

УДК 343.979

Т. И. ВИШНЕВСКАЯ

РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ГЕРОНТОЛОГИЧЕСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

В статье исследуется одна из основных проблем современной криминологии – геронтологическая преступность. Предложен ретроспективный анализ процесса формирования положений об уголовной ответственности за преступления, совершенные лицами пожилого возраста и в отношении последних с древнейших времен и по настоящее время. Автор заявляет, что на протяжении веков уголовное законодательство Беларуси содержало определенные особенности уголовной ответственности за геронтологические преступления. Этот исторический опыт сохраняет актуальность и сегодня. С целью гуманизации права автор предлагает и дальше совершенствовать уголовно-правовые нормы в отношении пожилых людей и усиливать уголовную ответственность за преступления, совершенные в отношении представителей старшей возрастной группы, которые в силу своих психофизиологических особенностей нуждаются в особой защите.

T. I. VISHNEVSKAYA

RETROSPECTIVE ANALYSIS OF THE LEGISLATION DEVELOPMENT IN THE SPHERE OF COUNTERACTION OF GERONTOLOGICAL CRIME

The article investigates one of the main problems in modern criminology – gerontological crime. A retrospective analysis of the process of formation of provisions on criminal liability for crimes committed by elderly persons, and in relation to the latter, since ancient times and to the present is given. The author states that for centuries the criminal legislation of Belarus contained certain features of criminal liability for gerontological crimes. This historical experience remains relevant today. In order to humanize the law, the author proposes to further improve the criminal law against the elderly and to strengthen criminal liability for crimes committed against members of the older age group, which, because of their psychophysiological characteristics need special protection.

ВИШНЕВСКАЯ
Татьяна Игоревна,

магистр юридических наук,
преподаватель кафедры правовых дисциплин Могилевского института МВД Республики Беларусь, адъюнкт научно-педагогического факультета Академии МВД Республики Беларусь

Введение

Многовековая история человеческой цивилизации довольно хорошо изучена, следовательно, перед каждым исследователем раскрываются обширные возможности поиска и анализа исторических корней, определения генезиса явления, составляющего предмет научного интереса. Для нас таким предметом является геронтологическая преступность, под которой следует понимать совокупность преступлений, совершаемых лицами пожилого возраста и в отношении последних.

Основная часть

Начиная с древнейших времен и до XVII века законодательные акты практически не предусматривали никаких особенностей ответственности за геронтологическую преступность и указывали лишь на отдельные злоупотребления детей в отношении родителей. Это обусловлено тем, что во все времена и у всех народов существует неписанное правило уважения старшего поколения, его опыта, мудрости, именно поэтому преступления в отношении родителей были и остаются одними из самых тяжелых преступлений.

Важнейший этап в развитии законодательства и уголовной политики в отношении представителей герон-

тологической группы начался лишь во второй половине XIX века, после вхождения Беларуси в состав Российской империи, с принятием Уложения о наказаниях уголовных и исправительных (1845 г.), в котором впервые указывалось на пожилой возраст субъекта преступления, устанавливались обстоятельства, смягчающие и отягчающие вину и наказание. В Уложении 1845 г. впервые появляется норма о невменяемости, содержащая юридический и медицинский критерии. В отличие от ранее действовавших актов содержалась самостоятельная глава «О злоупотреблении родительской властью и о преступлениях детей против родителей» [1, с. 815].

В XIX в. повышенный интерес к рассматриваемой проблеме проявляли многие отечественные и зарубежные ученые. Среди них министр юстиции Франции А. Герри (1802–1866), который установил закономерности распространения преступности по возрастным группам, бельгийский профессор математики и астрономии, социолог А. Кетле (1796–1874), автор таких статистических исследований, как «Рост численности людей» и «Тенденции преступности среди лиц различных возрастов», российский исследователь М. А. Неклюдов (1840–1896), который проанализировал проблему влияния возраста на преступность и уделил внимание людям пожилого

возраста. В рамках уголовного права этот вопрос изучали такие дореволюционные исследователи, как М. Н. Гернет, А. Ф. Кистяковский, Н. С. Таганцев, Н. А. Неклюдов, А. В. Лохвицкий, Л. С. Белогриц-Котляревский, И. Я. Фойницкий и др. Существенная роль в изучении преступности пожилых людей отводится и таким областям медицины, как гериатрия и психиатрия. Можно выделить ряд ученых, которые внесли вклад в этом направлении: А. А. Богомольц, И. П. Каменский, И. И. Мечников, В. Фролькис и др.

В XX в., а именно в послереволюционный период, проблема геронтологической преступности фактически выпала из поля зрения ученых. В литературе ее иногда затрагивали только психиатры, сводя чаще к проблеме ограниченной вменяемости. В нормативных правовых актах Советской власти, действующих на территории Беларуси до принятия Уголовного кодекса БССР, мы также не находим указаний на особенности ответственности представителей геронтологической группы или лиц, совершивших преступления в отношении них. Первый Уголовный кодекс РСФСР 1922 г., действие которого постановлением от 24.06.1922 ЦИК БССР было распространено на всю территорию нашего государства (с 1924 г. официально именовался Уголовным кодексом БССР), также не содержит указаний об особенностях уголовной ответственности лиц пожилого возраста. Например, смертная казнь согласно ст. 33 УК как высшая мера наказания применялась и к преступникам престарелого возраста [2].

Следующим этапом развития уголовного законодательства БССР стало принятие Основных начал уголовного законодательства СССР и союзных республик 1924 г., в соответствии с которыми были разработаны уголовные кодексы всех союзных республик, в том числе новый Уголовный кодекс БССР 1928 г.

Необходимо обратить внимание на то, что уголовное законодательство 1920–1930-х гг. подвергалось значительному политическому и идеологическому давлению. Именно поэтому по сравнению с общественными интересами и ценностями предпочтение отдавалось уголовно-правовой защите государственных интересов. Показательно, что УК 1928 г. не содержал определения вины и не рассматривал ее в качестве основания уголовной ответственности. Кроме того, термин «наказание» был заменен термином «меры социальной защиты».

Уголовный кодекс 1928 г. предусматривал некоторые особенности применения «мер социальной защиты» к представителям геронтологической группы. Так, в ст. 30 Кодекса указано, что в случае, когда лицо приговорено к лишению свободы в исправительно-трудовых лагерях и является «явно непригодным для физического труда», суд может заменить содержание в лагере содержанием в общих местах заключения на тот же срок [3, с. 10]. Как видим, законодатель при этом не указал на конкретный возраст человека. Кодекс также предусматривал такую меру социальной защиты, как «поражение прав» и в п. «е» ст. 34 к ней относил лишение права на пенсию, которые выдаются в порядке социального страхования и государственного обеспечения [3, с. 11]. Отметим также, что ст. 49 УК БССР 1928 г. относил к отягчающим обстоятельствам, влекущим ужесточение наказания, со-

вершение преступления в отношении «лиц, подчиненных совершившему преступление, или находившихся на его попечении либо в особо беспомощном состоянии по возрасту» [3, с. 16]. Отдельно ст. 229 УК 1928 г. (как и УК 1922 г.) предусматривала ответственность за оставление без помощи лица, находящегося в опасном для жизни положении и лишенного возможности самосохранения по малолетству, старости, болезни и тому подобным, если оставивший без помощи обязан был иметь заботу об оставленном и имел заботу об оставленном и имел возможность оказать помощь [3, с. 61]. Однако к смягчающим ответственность обстоятельствам УК БССР 1928 г. относит только несовершеннолетний возраст (п. «з» ст. 50) [3, с. 17]. Это касалось и применения высшей меры социальной защиты – расстрела, исключение составляли только лица, которые не достигли 18 лет, и женщины, находящиеся во время вынесения приговора в состоянии беременности [3, с. 9].

Кризис государственной власти с 1930-х гг. решается путем массовых репрессий, которые в значительной степени коснулись и пожилых людей, прежде всего из числа интеллигенции. В практике рассмотрения уголовных дел зачастую признавались преступления против государства такие основания, как «антисоветские настроения», «анекдоты», «воспоминания о дореволюционной жизни». В широких масштабах применялась смертная казнь. По очень часто сфабрикованным делам было расстреляно множество стариков. Представляется, что именно пожилые люди в силу своей повышенной уязвимости претерпели наибольшие бедствия в то время.

В период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. законодательство было переориентировано на условия военного времени. Во многих документах рядом с минимальным устанавливался и максимальный возрастной порог уголовной ответственности. Так, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 февраля 1942 г. «О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и строительстве» за уклонение от мобилизации были установлены минимальные и максимальные возрастные границы уголовной ответственности: минимальный возраст – 16 лет; максимальный для женщин – 45 лет, для мужчин – 55. Аналогичное решение содержится в Указе Президиума Верховного Совета СССР 1942 г., согласно которому за уклонение от мобилизации на сельскохозяйственные работы или самовольное оставление места работы уголовной ответственности подлежали лица в возрасте от 16 лет до 50 (женщины) и 55 лет (мужчины) [4, с. 98–99]. Соответственно лица вне установленных минимальных и максимальных возрастных границ не могли привлекаться к уголовной ответственности.

Новым этапом развития уголовного законодательства об ответственности лиц пожилого возраста и за преступления, совершенные в отношении последних, стало принятие в 1958 г. Основ уголовного законодательства СССР и союзных республик и в 1960 г. нового Уголовного кодекса БССР.

Уголовный кодекс 1960 г. имел прогрессивное значение, так как содержал несколько важных положений в деле уголовно-правовой охраны лиц пожилого и старче-

ского возраста: ч. 3 ст. 27 (предусматривала, что лицам, признанным нетрудоспособными, суд может заменить исправительные работы без лишения свободы штрафом или общественным порицанием); п. 5 ст. 38 (относил к обстоятельствам отягчающим ответственность, совершение преступления в отношении престарелого или лица, находившегося в беспомощном состоянии); ст. 121 (предусматривала ответственность за злостное уклонение от уплаты по решению суда средств на содержание нетрудоспособных родителей); ч. 2 ст. 125 (предусматривала ответственность за заведомое оставление без помощи лица, находящегося в опасном для жизни состоянии и лишенного возможности принять меры к самосохранению по малолетству, старости, болезни или вообще вследствие своей беспомощности в случаях, если виновный имел возможность оказать потерпевшему помощь и был обязан иметь о нем заботу либо сам поставил его в опасное для жизни состояние) [5].

После распада СССР новый уголовный кодекс суверенного государства был принят лишь в 1999 году. Впервые указание на престарелый возраст как обстоятельство, имеющее уголовно-правовое значение, дается в п. 9 ст. 4 – «под престарелым понимается лицо, которое на день совершения преступления достигло возраста семидесяти лет». Совершение преступления престарелым лицом признается обстоятельством, смягчающим ответственность (п. 11 ч. 1 ст. 63), если же преступление совершено в отношении заведомо престарелого человека, то это расценивается как обстоятельство, отягчающее уголовную ответственность (п. 2 ч. 1 ст. 64). Кроме того, отдельно о престарелом лице, как обстоятельстве усиливающей ответственность говорится в особенной части УК, а именно в ч. 2 ст. 139 «Убийство» и ч. 2 ст. 147 «Умышленное причинение тяжкого телесного повреждения».

Уголовный кодекс 1999 г., как и многие предыдущие законодательные акты предусматривает ответственность за оставление в опасности. Согласно ч. 2 ст. 159 более строгое наказание применяется к виновному лицу, обязанному заботиться и имеющему возможность оказать помощь, если потерпевший не мог принять меры к самосохранению «по малолетству, старости, заболеванию или вследствие своей беспомощности».

Законодатель исходя из принципа гуманизма закрепил особенности назначения отдельных видов наказаний к пожилым преступникам. Общественные работы (ч. 4 ст. 49), исправительные работы (ч. 3 ст. 52), ограничение свободы с направлением в исправительное учреждение открытого типа (ч. 5 ст. 55) не могут быть назначены лицам, достигшим общеустановленного пенсионного возраста; пожизненное заключение (ч. 2 ст. 58) и смертная казнь (ч. 2 ст. 59) – женщинам, а также мужчинам, достигшим ко дню постановления приговора шестидесяти пяти лет.

Есть особенности применения иных мер уголовной ответственности. Так, по общему правилу отсрочка от исполнения наказания, условное неприменение наказания применяется к лицам, впервые осуждаемым к лишению свободы, за преступление, не являющееся тяжким. Однако вышеназванные меры могут быть назначены и лицу, осуждаемому за совершение тяжкого преступления, если

такое преступление совершено мужчиной, женщиной, достигшим общеустановленного пенсионного возраста (ч. 2 ст. 77, ч. 3 ст. 78).

Кроме того, суд, учитывая поведение осужденного, состояние его здоровья или возраст, в соответствии со ст. 57 по отбытии лицом 20 лет лишения свободы, осужденным к лишению свободы на срок свыше 25 лет, может освободить осужденного от отбывания части наказания, превышающей 25 лет, а по отбытии 20 лет лицом, осужденным к пожизненному заключению, суд может заменить дальнейшее отбывание пожизненного заключения лишением свободы на определенный срок, но не свыше 5 лет (ч. 4 ст. 58).

Часть 31 ст. 90 предусматривает более льготные условия применения условно-досрочного освобождения от наказания в отношении лиц, достигших общеустановленного пенсионного возраста.

В актах уголовного законодательства прослеживаются элементы учета пожилого возраста при назначении наказания и иных мер уголовной ответственности, а в нормах уголовно-исполнительного – содержатся особенности их исполнения и отбывания осужденными. Например, при отбывании наказания в виде ограничения свободы без направления в исправительное учреждение открытого типа уголовно-исполнительная инспекция устанавливает периодичность явок в территориальный орган внутренних дел с учетом возможности осужденного к передвижению исходя из состояния его здоровья и возраста (п. 2 ч. 2 ст. 481 УИК). При отбытии такого наказания, как арест, осужденные, достигшие общеустановленного пенсионного возраста, могут привлекаться к выполнению работ по хозяйственному обслуживанию арестного дома только по их желанию (ч. 2 ст. 60 УИК); при отбытии наказания в виде лишения свободы труд данных лиц также возможен лишь по их усмотрению (ч. 2 ст. 98, ч. 2 ст. 101). Если же пожилые осужденные работают, получают заработную плату на свой лицевой счет или иные доходы, то, несмотря на все удержания, им выплачивается не менее 50 % начисленной заработной платы или иных доходов, в то время как по общему правилу остальным осужденным зачисляется не менее 25 % (ч. 3 ст. 102 УИК).

В ныне действующем УИК предусмотрены нормы об оказании помощи освобожденным от отбывании наказания, а именно в ст. 193 говорится, что администрации учреждений уголовно-исполнительной системы через территориальные органы внутренних дел и комитеты по труду, занятости и социальной защите принимают меры по трудовому и бытовому устройству осужденных после их освобождения. Отметим, что мужчины и женщины, достигшие общеустановленного пенсионного возраста, при необходимости по их согласию направляются комитетом по труду, занятости и социальной защите в дома-интернаты для престарелых и инвалидов [7].

Вместе с развитием законодательства вопросы социальной геронтологии исследуются и современными учеными. В настоящее время вопросы геронтологической преступности рассматриваются в работах таких российских и украинских ученых, как А. В. Андрушко, Ю. М. Антонян, А. А. Байбарин, О. В. Барсукова, Л. В. Боровых, М. В. Тирский, В. Г. Павлов, В. В. Тирский, В. Б. Хатуев.

Однако при всей значимости рассматриваемой проблемы о геронтологической преступности, мерах борьбы с ней и особенностях уголовной ответственности она практически осталась за рамками криминологических и уголовно-правовых исследований в Республике Беларусь.

Заключение

Из вышесказанного можно сделать вывод, что геронтологическая преступность является самостоятельным объектом криминологического исследования. Находясь на стыке таких актуальных направлений, как социология, юриспруденция, философия, психология, медицина, проблема геронтологической преступности носит интегративный характер, однако именно представителями криминологии, по нашему мнению, должны быть разработаны основные меры по ее предупреждению и профилактике.

Использование ретроспективного анализа позволило показать процесс формирования положений об уголовной ответственности за преступления, совершенные лицами пожилого возраста, и в отношении таких лиц начиная с древнейших времен и по настоящее время. Первоначально вплоть до XVII века памятники права практически не предусматривали никаких особенностей пожилого возраста участников уголовных правоотношений и указывали лишь на отдельные злоупотребления детей в отношении родителей. И лишь с XIX века акты Российской империи, действовавшие на территории Беларуси, демонстрируют дифференцированное, более гуманное отношение к лицам пожилого возраста в уголовно-правовых отношениях. Так, Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. впервые содержало указание на возраст пожилого субъекта преступления – достижение 70 лет. Это обстоятельство предусматривало как возможность исключения уголовной ответственности «старых и дряхлых» преступников, так и замены наказаний,

связанных с выполнением каторжных и арестантских работ, другими. Кроме того, начиная с XIX века достижение преступником пожилого возраста являлось смягчающим вину обстоятельством, в то время как к отягчающим обстоятельствам совершение преступления в отношении последних отдельно еще не относилось.

На протяжении веков уголовное законодательство Беларуси содержало определенные особенности уголовной ответственности за преступления, совершенные лицами пожилого возраста и в их отношении. Этот исторический опыт сохраняет актуальность и сегодня. В настоящее время законодатель с целью гуманизации права продолжает совершенствовать уголовно-правовые нормы в отношении пожилых людей и усиливать уголовную ответственность за преступления, совершенные в отношении таких лиц, которые в силу своих психофизиологических особенностей нуждаются в особой защите.

В историческом ракурсе одновременно с законодательством, регулирующим уголовно-правовые отношения, развивались и теоретические воззрения на проблемы старения, взаимоотношений молодого и старшего поколения и предупреждения проявления различного рода девиаций. Однако на фоне обилия научных работ по поводу возрастной специфики преступности комплексные исследования в области геронтологической преступности в Республике Беларусь не проводились.

Республика Беларусь, как демократическое, правовое, социальное государство сегодня активно проводит политику, направленную на защиту прав, свобод и интересов пожилых людей. Бесспорно, уголовная политика становится важным элементом предупреждения геронтологической преступности, однако в основном она направлена на законопослушных граждан, оставляя без должного внимания представителей геронтологической группы, склонных к различного рода девиациям.

Список использованных источников

1. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. – Санкт-Петербург : Типография II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии Санкт-Петербург, Российская Империя. – 1845 г. – 922 с.
2. Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pravo.by/ImgPravo/pdf/sm_full.aspx_guid=1710231479454739.pdf. – Дата доступа: 28.05.2018.
3. Уголовный кодекс БССР. – Минск : Гос. изд. при СНК БССР, 1940. – 107 с.
4. Орлов, В. С. Субъект преступления по советскому уголовному праву / Орлов В. С. – М. : Гос. изд-во юрид. литературы, 1958 г. – 260 с.
5. Уголовный кодекс 29 декабря 1966 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pravo.by/ImgPravo/pdf/UK_BSSR_1960.pdf. – Дата доступа: 28.05.2018.
6. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.07.2017 г., с изм. и доп. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
7. Уголовно-исполнительный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : принят Палатой представителей 14 дек. 1999 г. : одобр. Советом Респ. 22 дек. 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.01.2017 г., с изм. и доп. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
30.05.2018